
Юдин Г. В. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 123–133.

Григорий Юдин*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ**

ХАБЕРМАС Ю. СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО КАТЕГОРИИ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА / ПОД РЕД. М. БЕЛЯВВА ; ПЕР. В. ИВАНОВА. — М. : ВСЬ МИР, 2016

Юрген Хабермас принадлежит к небольшому числу больших мыслителей, которым удалось увидеть, как их политические идеи воплощаются в жизнь и меняют мир. Попав довольно рано под влияние Теодора Адорно, Хабермас не воспринял от своего учителя главного — пессимистичного настроения, с которым тот смотрел на социальную жизнь после Второй мировой. Хабермас увидел в устройстве послевоенных капиталистических государств перспективу постепенной демократизации евроамериканских обществ, которая в конечном счете трансформирует сам капитализм и очистит пространство для эгалитарных отношений взаимного признания и уважения между людьми. Чтобы предложить для этой перспективы теоретические основания, Хабермасу потребовалось осуществить сложный синтез критической теории с прагматизмом, теорией речевых актов, психологией развития и теорией систем.

Для леволиберальной идеологии с ее верой в прогресс и правовое государство, но в то же время в солидарность, коллективность и диалог, Хабермас стал главным авторитетом. Успех леволиберального политического проекта в последней четверти прошлого века стал теоретической победой Хабермаса. Рационализация политики, принципы инклюзивности и толерантности, публичный диалог как основание политической жизни — все эти принципы находят последовательную разработку в его трудах.

Тем более удивительно, что когда Россия выбрала европейские и североамериканские образцы в качестве ориентиров развития, философия Хабермаса не стала частью нового канона. В сравнении с работами либеральных экономистов или философией Карла Поппера Хабермас

*Юдин Григорий Борисович, к. филос. наук, старший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», gregloko@yandex.ru.

**© Юдин, Г. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

по-прежнему остается в России относительно неизвестным за пределами узкого круга специалистов, — это по-своему характеризует возникший в России четверть века назад либеральный проект. Игнорировать Хабермаса было невозможно — однако на русский, как правило, переводились его небольшие сборники статей или лекций, второстепенные для самого автора и недоступные без понимания оснований его теории. В то же время его сложно написанные, требующие от читателя хорошей подготовки фундаментальные труды до последнего времени оставались недоступны на русском языке. Первым прорывом здесь стал перевод книги «Проблема легитимации позднего капитализма», выполненный Т. Дмитриевым (Хабермас, Воропай, 2010). И вот теперь русский читатель получил перевод «Структурного изменения публичной сферы»¹.

«Структурное изменение» занимает в биографии Хабермаса особое место. Во время написания этой книги, которая стала его второй, кандидатской диссертацией, Хабермаса фактически выдвинул из Института социальных исследований глава Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер, в результате чего Хабермас перевелся в Марбург и защитил в 1961 г. работу под руководством Вольфганга Абендрота (книга вышла годом позже) (Specter, 2011: 32–33). Из всех работ Хабермаса эта в наибольшей степени может претендовать на статус «классической», ведь именно с нее началась особая традиция философских и социологических исследований публичной сферы, основывающаяся на введенных в этой книге понятиях. Более поздние и столь же влиятельные проекты Хабермаса являются во многом попыткой решить те проблемы, которые были поставлены в «Структурном изменении», — и в силу этого оказываются более «партийными» и подверженными критике. В то же время благодаря «Структурному изменению» открылось поле исследований, в котором сегодня успешно работают, в том числе, и многие активные критики Хабермаса.

Заслуга Хабермаса состоит в том, что он предлагает разветвленный словарь для анализа и апологии публичной политики и демонстрирует, почему в публичную политику сегодня имеет смысл инвестировать. Эту задачу Хабермас решает параллельно с вышедшей незадолго до этого работой Ханны Арендт *Vita activa* (Арендт, Бибахин, 2000), с которой он вступает в полемику. Оба автора начинают с реконструкции поли-

¹ Впрочем, перевод этой книги на английский (а всего она уже переведена более чем на 40 языков) также сильно запоздал и появился только в 1989 г., вызвав волну интереса к концепции.

тического смысла публичности в условиях античности, однако Арендт рисует картину поглощения политического социально-экономическим, и структуры управления буржуазным обществом оказываются для нее враждебными публичной жизни: этот философско-исторический аргумент используется для политической диагностики в «Истоках тоталитаризма» (Арендт, Борисова, 1996). Хабермас, напротив, полагает, что в условиях преодоления абсолютизма сформировалась «буржуазная публичная сфера», которая, хотя и пришла в упадок во второй половине XIX и особенно в XX в., все же может рассматриваться как прообраз широкой демократической публичности.

Центральный аргумент книги — противопоставление «репрезентативной» и «буржуазной» публичных сфер (§ 3). С точки зрения Хабермаса, в XVII–XVIII столетиях в силу развития индустриально-капиталистических тенденций возникает разделение между публичной властью с одной стороны и частными подданными — с другой. В этот момент меняется сам смысл публичной сферы: если в условиях абсолютизма она функционирует как пространство репрезентации господства, то теперь это зона управления общими интересами. Общие интересы, однако, отсылают не к *res publica*, но к расширению частных интересов, к необходимости организовывать экономические условия частной деятельности. Именно поэтому для Арендт расширение частного до публичного оказывается точкой подавления политического и торжества социального: «приватное имущество перестает быть частной заботой и начинает становиться общественным интересом. Социум возник в сфере публичного впервые в образе организации владельцев, которые однако теперь уже не на основании своего богатства требовали себе соразмерного права голоса в публичных вопросах, но, наоборот, сошлись, чтобы в целях приобретения еще большего богатства потребовать снятия с себя всякой ответственности публично-политической природы» (Арендт, Бибахин, 2000: 88). Но, в отличие от Арендт, Хабермас не останавливается на этом и усматривает еще одну происходящую в этот момент важную трансформацию: в самом деле, сначала «публика» с ее растущими частными интересами становится просто коррелятом власти, однако затем осознает себя как полноправного партнера-оппонента власти и начинает действовать проактивно, превращаясь в политического субъекта². Именно так появляется буржуазная публичная сфера: она

²Здесь очевидно влияние на Хабермаса еще одной вышедшей накануне книги — «Критики и кризиса» Райнхарта Козеллека, где утверждается, что критическая практика

вырастает из «литературной публичной сферы», где развились площадки для дискуссии (салоны, периодические издания, переписка и т. д.). Иными словами, публичная сфера появляется в результате усиления буржуазии как раз там, где, следуя логике Арендт, она должна была оказаться окончательно заблокированной.

Теория Хабермаса открыла поле для множества философских споров о природе публичной сферы, ее границах и принципах функционирования (Calhoun, 1992; Benhabib, 1996; Fraser, 2014; Cohen, Arato, 1992). Для теории коммуникации и медиа «Структурное изменение» стало базовой моделью, объясняющей политическое устройство массовой коммуникации и роли и стратегии основных акторов, а также позволяющей анализировать эффекты технологий (см., напр.: Thompson, 1995). В политической социологии одной из наиболее актуальных является дискуссия о соотношении публичной сфер и гражданства в постсекулярном мире, поскольку усиливающиеся религиозные разногласия ставят под вопрос возможность формирования единого дискурсивного пространства между всеми гражданами (Somers, 1993; Calhoun, 2008; Braidotti, 2014).

Диссертация Хабермаса интересна еще и тем, что она по-прежнему, через полвека после появления, предлагает наиболее основательную теорию общественного мнения. Подавляющее число социологических работ, имеющих дело с общественным мнением, скатываются в одну из двух крайностей: либо в овеществление общественного мнения, некритичное отношение к результатам опросов как к очевидной репрезентации общества; либо в скептицизм по отношению к опросам, который не дает увидеть их место в современной политике. Хабермас в §§ 12–15 прослеживает генезис понятия «общественное мнение» и его политических функций. Благодаря этому в §§ 21–22 он оказывается в состоянии увидеть пагубные для публичной сферы последствия того, что общественное мнение сегодня оказалось неразрывно связано с индустрией массовых опросов. Его политико-философский анализ остается непревзойденным: абстрагируясь от методических проблем измерения общественного мнения, Хабермас задается вопросом о политических

изначально является демонстративно неполитической, однако ей имманентно присуща экспансия. Путем постепенного, но неостановимого расширения сферы своего анализа она как бы обходным маневром заходит на территорию абсолютизма и, в конечном счете, приводит к его краху (Koselleck, 1959).

предпосылках трансформации буржуазного общественного мнения в цифры опросов.

Ноты ностальгии автора по буржуазной публичной сфере легко угадываются в книге. Хотя в соответствии с предлагаемой теорией возникшая в Новое время публичность была изначально обречена на распад в результате демократизации общества и усиления «четвертого сословия», именно буржуазный образец станет впоследствии для Хабермаса нормативным ориентиром. Публичная сфера была проникнута духом коммуникативной рациональности и эпистемического равенства — однако в то же время была закрытой, выступала инструментом классового господства буржуазии и не могла вынести наступления массового общества. Хабермас пытается разрешить это противоречие между делиберативным потенциалом буржуазной публичной сферы и ее очевидной элитарностью с помощью идеи постепенного расширения и очищения публичной коммуникации, которая стремится к рациональному образцу и в пределе к нему приближается. Это особенно очевидно в наиболее спорной его книге «Фактичность и значимость», где идея народного суверенитета осмысливается как нормативный идеал (Habermas, 1998). Тоска по образованной и уважаемой публичности, разрушенной массовым обществом, выдает в Хабермаса наследника Адорно и Хоркхаймера.

Наиболее активная критика подхода Хабермаса обращена именно к идеализированному образу буржуазной публичной сферы. Историки подвергли предложенную картину генезиса публичности внимательному разбору с разных сторон, после чего обнаружилось, что буржуазный диалог был далеко не таким эгалитарным, каким он представлен в книге³. Представители феминистского подхода указали на исключение женщин (Young, 2000), а теоретики постколониализма — на то, что обратной стороной буржуазной публичной сферы выступает не только классовое, но и колониальное господство (именно по этой причине рациональная буржуазная дискуссия не институционализируется в бывших колониях даже после их освобождения) (Fraser, 2014). Известная книга Оскара Негта и Александра Клуге дала основания говорить о множественности публичных сфер: пролетариат вырабатывает собственную публичность, функционирующую по иным законам и выполняющую иные политические функции (Negt, Kluge, 1972). Наконец, сильную критику избыточной рациональности публичной сферы предлагает

³Часть этих упущений Хабермас признал в предисловии к переизданию 1990 г., которое представлено в переводе.

Шанталь Муфф: сведение демократической политики к аргументативной практике противоречит агонистической природе политики. Это приводит к исключению масс и господству специалистов-технократов, чревато выплеском подавленных эмоций в форме ксенофобии и насилия и играет на руку праворадикальным движениям. Впрочем, стоит отметить, что предлагаемая Муфф в полемике с Хабермасом концепция «агонистической публичной сферы» в своих ключевых элементах основывается на «Структурном изменении» (Mouffe, 2000).

Ставки этих дискуссий вполне понятны изнутри российского контекста. Все чаще звучит диагноз, в соответствии с которым ключевой барьер для демократической политики в России состоит в том, что здесь отсутствует публичный язык и систематически подавляется публичная сфера (Kharkhordin, 2016; Беляева, 2011). На чем может быть основано укрепление публичной сферы? Как должен регулироваться доступ к ней? Каковы этические основания для исключения оппонента? Каковы формальные правила ведения дискуссии (скажем, на телевидении)? Что дозволено, а что не дозволено для обсуждения? Как дискуссия должна соотноситься с законодательной деятельностью? Как публичная сфера может противостоять давлению и контролю извне? От этих вопросов в сегодняшней российской ситуации никуда не деться, и концепция Хабермаса по-прежнему остается наиболее разработанным инструментом для их решения.

Можно только приветствовать стремление издателя (а также поддержавших перевод Института имени Гёте и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям) сделать текст «Структурного изменения публичной сферы» доступным для российского читателя. Однако классический статус книги означает, что к переводу предъявляются серьезные требования — а здесь издание дает немало поводов для огорчения. Хабермасу в принципе не слишком везет с русскими переводчиками: многие вышедшие сборники его статей вызывают у русскоязычного читателя подозрение, что немецкий философ завоевал себе славу умением никогда не формулировать идеи ясно и ни одну мысль не доводить до логического завершения. К сожалению, перевод «Структурного изменения» этого опасения не развеет.

Главное, что требуется от переводчика, — адекватная передача понятий в соответствии со сложившейся традицией. В данном случае целый ряд переводческих решений вызывает вопросы. Ключевой термин *öffentliche Meinung* почему-то переведен как «публичное мнение», так что неискушенный читатель может и не догадаться, что держит в руках

книгу с теорией общественного мнения. Это неожиданное решение сопровождается коротким, но удивительным комментарием переводчика и редактора, из которого мы узнаем, во-первых, что «публичное мнение» и «общественное мнение» — это два разных термина, а во-вторых, что Хабермас опирается на первый из них (с. 50). Это само по себе тянет на сильное научное утверждение, но поскольку развернутого комментария не предлагается, остается предположить, что это просто неудачная попытка выйти из затруднения, которое создает русский термин «общественное мнение», не совпадающий с французским и английским аналогами (Каплун, 2008) (при том, что немецкий, заметим, также с ними не совпадает). Впрочем, «общественное мнение» неожиданно вернется на с. 270, что дополнительно увеличит путаницу. Зато уже на с. 52 переводчик неожиданно жертвует «публичным» и специальным примечанием зачем-то переводит *res publica* как «общественное дело», что прямо идет вразрез с теорией Хабермаса.

Другое странное решение — перевод *Räsonnement* как «резонерство» вместо очевидного «рассуждение» или близкого кантианскому духу текста «использование разума»⁴. В результате на с. 78 можно прочитать: «Медиум, коммуникативное средство этой политической дискуссии, своеобразен и не имеет исторических аналогов — публичное резонерство». Не стоит пугаться: Хабермас вовсе не хочет сделать загадочное заявление, что резонерство — это медиум. Он всего лишь имеет в виду, что политическое противостояние впервые стало вестись посредством публичного рассуждения. Такие сомнительные терминологические выборы встречаются в тексте перевода регулярно.

Даже если отвлечься от терминологии, прозрачность текста для русского читателя удастся сохранить не всегда. Если в некоторых частях текст выглядит читабельным, то в других он, безусловно, написан не по-русски. Уже подзаголовок книги, «Исследования относительно категории буржуазного общества», дает понять, что чтение будет нелегким испытанием. Неопределенный артикль (*eine Kategorie*) стоит в оригинале неспроста и обозначает, что эта книга — исследование *одной* категории буржуазного общества (а именно, «публичной сферы»). Есть и немало других препятствий: на с. 183, например, можно увидеть, что «Публичное мнение частных лиц, объединившихся в публику, больше не имеет базиса, чтобы быть единым и истинным. Оно падает обратно

⁴Обращение к русскому переводу «Философии права» также дало бы «рассуждение» (Гегель, Столпнер, Левина, 1990: 320).

на уровень субъективного мнения многих». От натужной метафоры падающего мнения легко избавиться, тем более что в оригинале ее нет (*zurückfallen*). Речь о том, что общественное мнение частных лиц, собравшихся в публику, утрачивает основания для единства и истинности и в результате сводится к субъективному мнению множества.

Вероятно, некоторые спорные решения переводчика можно было бы увязать в какую-то целостную систему, если бы научный редактор предложил собственную логику чтения книги, расставил акценты и продемонстрировал свой взгляд на текст. Однако за исключением кратких постраничных сносок никаких комментариев в книге нет. Более того, непонятно, проводилось ли вообще научное редактирование, так как в книге отсутствует даже вводная статья, что удивительно для работы такого масштаба и значения. Издательство «Весь мир» выпускает не первую книгу Хабермаса, фактически уже существует серия — однако у нее даже нет редакционной коллегии.

На сегодняшний день русскому читателю «Структурного изменения» можно посоветовать как минимум вооружиться при чтении параллельным немецким текстом или хорошим переводом на какой-либо другой язык: это существенно повысит шансы понять непростую книгу. Работу по встраиванию переводов Хабермаса в конвенциональный язык философии и социальной науки еще предстоит совершить. Наверняка и другие ключевые работы немецкого мыслителя в обозримое время появятся на русском языке; хочется надеяться, что использование хорошо известных принципов и институтов переводческой работы позволит сделать эти тексты по-настоящему доступными для отечественного читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова ; пер. с англ. И. В. Борисовой. — М. : ЦентрКом, 1996.
- Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни / пер. В. В. Бибихина. — СПб. : Алетейя, 2000.
- Беляева Н.* Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 3. — С. 72–87.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнер, М. И. Левиной. — М. : Мысль, 1990.
- Каплуч В.* Что такое Просвещение? Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичное пространство, гражданское общество и

- власть: опыт развития и взаимодействия / под ред. А. Сунгурова. — М. : РОССПЭН, 2008. — С. 333–345.
- Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Вороняй. — М. : Праксис, 2010.
- Calhoun C.* Secularism, citizenship, and the public sphere // *Hedgehog Review*. — 2008. — Vol. 10, no. 3. — Pp. 7–21.
- Cohen J., Arato A.* *Civil Society and Political Theory*. — Cambridge, MA : MIT Press, 1992.
- Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political* / ed. by S. Benhabib. — New Jersey : Princeton University Press, 1996.
- Fraser N. et al.* *Transnationalizing the Public Sphere*. — Cambridge, Malden : Polity Press, 2014.
- Habermas and the Public Sphere* / ed. by C. Calhoun. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 1992.
- Habermas J.* Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1998.
- Kharkhordin O.* The Past and Future of Russian Public Language // *Public Debate in Russia* / ed. by N. Vakhtin, B. Firsov. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016.
- Koselleck R.* *Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt*. — Freiburg, München : Verlag Karl Alber, 1959.
- Mouffe C.* *The Democratic Paradox*. — London, New York : Verso, 2000.
- Negt O., Kluge A.* *Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit*. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1972.
- Somers M.* Citizenship and the Place of the Public Sphere: Law, Community, and Political Culture in the Transition to Democracy // *American Sociological Review*. — 1993. — Vol. 58, no. 5. — Pp. 587–620.
- Specter M.* *Habermas: An intellectual biography*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
- Thompson J.* *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. — Stanford : Stanford University Press, 1995.
- Transformations of Religion and the Public Sphere: Postsecular Publics* / ed. by R. Braidotti et al. — New York : Palgrave Macmillan, 2014.
- Young I. M.* *Inclusion and Democracy*. — Oxford : Oxford University Press, 2000.

Yudin, G. B. 2017. "Book Review: Habermas, J. 2016. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft, trans. by V. Ivanov. Ed. by M. Belyaev. Moscow: Ves' mir" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1), 123–133.

GREG YUDIN

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCHER, LABORATORY FOR STUDIES IN ECONOMIC SOCIOLOGY,
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

BOOK REVIEW: HABERMAS, YU. [HABERMAS, J.] 2016. STRUKTURNAYA
TRANSFORMATSIYA PUBLICHNOY SFERY: ISSLEDOVANIYA KATEGORII
BURZHUAZNOGO OBSHCHESTVA [STRUKTURWANDEL DER
ÖFFENTLICHKEIT: UNTERSUCHUNGEN ZU EINER KATEGORIE DER
BÜRGERLICHEN GESELLSCHAFT] [IN RUSSIAN].

REFERENCES

- Benhabib, S., ed. 1996. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. New Jersey: Princeton University Press.
- Braidotti, R. et al., ed. 2014. *Transformations of Religion and the Public Sphere: Postsecular Publics*. New York: Palgrave Macmillan.
- Calhoun, C., ed. 1992. *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- . 2008. "Secularism, citizenship, and the public sphere." *Hedgehog Review* 10 (3): 7–21.
- Cohen, J., and A. Arato. 1992. *Civil Society and Political Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Fraser, N. et al. 2014. *Transnationalizing the Public Sphere*. Cambridge and Malden: Polity Press.
- Habermas, J. 1998. *Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats* [in German]. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Kharkhordin, O. 2016. "The Past and Future of Russian Public Language." In *Public Debate in Russia*, ed. by N. Vakhtin and B. Firsov. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Koselleck, R. 1959. *Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt* [in German]. Freiburg and München: Verlag Karl Alber.
- Mouffe, Ch. 2000. *The Democratic Paradox*. London and New York: Verso.
- Negt, O., and A. Kluge. 1972. *Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit* [in German]. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Somers, M. 1993. "Citizenship and the Place of the Public Sphere: Law, Community, and Political Culture in the Transition to Democracy." *American Sociological Review* 58 (5): 587–620.
- Specter, M. 2011. *Habermas: An intellectual biography*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thompson, J. 1995. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Stanford: Stanford University Press.
- Young, I. M. 2000. *Inclusion and Democracy*. Oxford: Oxford University Press.
- Arendt, Kh. [Arendt, H.] 1996. *Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism]* [in Russian]. Ed. by M. S. Kovaleva and D. M. Nosov. Trans. from the English by I. V. Borisova. Moskva [Moscow]: TsentrKom.

- . 2000. *Vita activa, ili o deyatel'noy zhizni [Human Condition]* [in Russian]. Trans. by V. V. Bibikhin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Belyayeva, N. 2011. "Razvitiye kontsepta publichnoy politiki: vnimaniye 'dvizhushchim silam' i upravlyayushchim sub'yektam [Development of the Concept of a Public Policy: Attention to 'Motive Forces' and Operating Actors]" [in Russian]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, no. 3: 72–87.
- Gegel', G. V. F. [Hegel, G. W. F.] 1990. *Filosofiya prava [Grundlinien der Philosophie des Rechts]* [in Russian]. Trans. from the German by B. G. Stolpner and M. I. Levina. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Kaplun, V. 2008. "Chto takoye Prosveshcheniye? Rozhdeniye publichnoy sfery i publichnoy politiki v Rossii [What is Enlightenment? The Birth of Public Sphere and Public Policy in Russia]" [in Russian]. In *Publichnoye prostranstvo, grazhdanskoye obshchestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodeystviya [Public Space, Civil Society and Authority: Development and Interaction Experience]*, ed. by A. Sungurov, 333–345. Moskva [Moscow]: ROSSP·EN.
- Khabermas, Yu. [Habermas, J.] 2010. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma [Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus]* [in Russian]. Trans. from the German by L. V. Voropay. Moskva [Moscow]: Praxis.